

Геннадий Карпов

Два Михаила

Так случилось, что в моей жизни было два Михаила Ивановича Калинина. И оба остались в моей памяти как истинно русские люди, труженики и образцы для подражания.

Михаил Иванович Калинин 1912 года рождения

Летом 1953 года, на третьем году моей самостоятельной работы, я впервые попал в настоящую геологическую партию. Всё было необычным, поэтому в деталях запоминались люди, природа и даже бытовые мелочи. Геологическая Казырская партия, человек пятнадцать, присела на валежины перекурить на длинном пути в посёлок Нижняя Тридцатка, находящийся, как мне тогда казалось, на краю земли. Дальше на юг — Тува, а где-то далеко-далеко на востоке — иркутская Тофалария.

Вдруг в этой глухомани, на той же тропе, по которой мы прошли, появился человек. Шёл он ходоком лёгкой походкой и, поравнявшись с нами, негромко, но чётко поздоровался.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, покурите с нами, если не спешите! — ответил ему Николай Иванович Панарин, начальник партии. И сразу добавил: — Вы, как видно, здешний. Я тут целый год знакомлюсь с местными. С охотниками, рыбаками. Знаком с Вилисовым, Кулаженко, Козловым. Хочу узнать больше о том районе, что по Казыру выше Прорвы. А вы какого роду-племени?

— Михаил Иванович Калинин, тысяча девятьсот двенадцатого года рождения, — вдруг чётко отрапортовал собеседник, словно по давно укоренившейся привычке. Осталось только статью назвать. Помолчав, он добавил: — Из Магадана прибыл, на родные места потянуло.

У Николая Ивановича, отработавшего на Колыме в геологических экспедициях более двадцати лет, с незнакомцем сразу завязалась беседа. Перекур закончился, и дальше они пошли рядом, о чём-то беседуя на ходу. Когда мы пришли в посёлок, то уже весь наш отряд знал, что Михаил Иванович, 1912 года рождения, едет с нами на Прорву. Я потом часто возвращался к мысли: что бы мы без него там наработали?

На другой день мы прошли ещё около восьми километров вверх по реке в Верхнюю Тридцатку,

которая стояла почти у дороги на высокой террасе. Справа — река, слева — картофельные огороды. В этой небольшой деревне, которая до 1942 года была погранзаставой, в ожидании, когда пройдёт майская «большая вода», мы задержались на неделю. Пришлось сидеть до конца месяца. И только тогда старожилы подсказали: «Коса оголилась, можете отправляться на Прорву».

На другое утро мы встали пораньше, позавтракали, упаковали спальники в чехлы и погрузили их, а также продукты с палатками, в две лодки. В одну лодку укладывали багаж лодочник Женя Наумович и Саша Калинин, выросшие в Кордово и Артёмовске на берегу Кизира. На другой посудине суелись наш новый знакомый. Я при сборах, чтобы не мешать другим, стоял в стороне. — Ну что стоишь? Тебя зовут, кажется Геннадием? — обратился он ко мне. — Бери шест, становить в нос лодки! Отталкивайся, поехали!

Всё это было сказано просто, как старому знакомому. Так я стал лодочником.

Первый раз я увидел хождение по рекам на лодках на шестах без вёсел двумя годами ранее здесь же, на Казыре. Удалось даже потренироваться недели три на перекатах. Поэтому я с удовольствием принял предложение Ивановича. Естественно, на длинном пятидневном пути я не раз ошибался, особенно плохо выполнял команду «Оттуряй!», по которой надо нос лодки выталкивать на середину реки. Любый другого главный лодочник на корме изматерил бы, но Иваныч ни разу даже голоса не повысил, а только подсказывал или молча разворачивал лодку сам, и мы снова шли вперёд — на косой пережат и дальше на стремнину.

К вечеру я был еле жив от усталости, хотя только поправлял нос лодки, а толкал всю гружёную машину против бурного течения имени Михаил Иванович. И не отстаивал от первой лодки. Потом все готовили ночлег, поставили пару палаток. Иваныч колдовал у костра, готовил ужин. Утром, пока все чесались, мылись и продирали глаза, у него уже был готов завтрак на всю ораву. Как-то с первого дня все, не сговариваясь, согласились, что в отряде есть повар.

Второй день с утра наша с Иванычем лодка шла ровно, не отставая от Жени Наумовича. Вода в реке чуть убывала. Это сказалося и на течении,

особенно на перекатах. Но чудес и опасностей хватало. Один перекат, увиденный впервые, был просто пугающим. При подходе снизу он видится как вал воды во всю ширину русла, переливающийся через край и бурно, с рёвом, стекающий как по пологому склону холма. Первым в гору пошёл «экипаж» Наумовича. Иваныч на всякий случай приткнул нашу лодку к берегу. За час преодолели, покурили и пошли дальше.

Через несколько дней «всякий случай» всё-таки случился. До устья Прорвы оставалось не более двух дней пути, когда на левом берегу преградой лодкам оказалась скала, выступающая поперёк течения. На шестах её обойти оказалось невозможно. Наумович решил воспользоваться способом бурлаков и обойти скалу на бечеве, но верёвка оказалась коротковатой, и «бурлаки», не обращая внимания на протестующие крики Наумовича, затащили лодку под бурун. Лодка мгновенно наполнилась водой и перевернулась. Лодочник успел выскочить, вода была ему по грудь. Весь поплывший багаж он стал выталкивать шестом к берегу, но несколько спальников всё же вынесло на струю. Михаил Иванович, только что высадивший последнюю группу, перевезённую с правого берега, увидел затею Наумовича с бечевой и приткнул лодку к берегу. Эта затея, судя по всему, сразу показалась ему опасной. Как только лодка Наумовича перевернулась, его лодка рывком вылетела на стремнину наперехват плывущим вещам. Пётр Филиппов быстро выловил все вещи. На этом решили, что на сегодня приключений хватит, и устроили привал до утра.

На другой день лодочники погрузили груз в лодки, переплыли на правый берег, прошли опасный выступ и вернулись на левый без происшествий. Мы стояли и наблюдали, как парни дружно на счёт «раз-два» поднимали и переставляли шесты, на счёт «три-четыре» толкали лодку вверх против течения. Поднявшись по бурунам, они по тихой воде быстро удалились, постепенно «погружаясь» за водный горизонт по пояс, затем — до плеч, и вот уже над водой остались только две головы да мелькали руки, переставляющие шесты. Эту картину трудно описать, её надо хоть раз увидеть. Мне до конца досмотреть кино про то, как две головы скроются за водным горизонтом, не дал Иваныч. Он сказал:

— Поехали! — и оттолкнул лодку от берега.

Подниматься вверх по перекату оказалось не очень трудно. Издали он казался страшнее.

В полдень у костра я показал Михаилу Ивановичу обилие мокрых мозолей от шеста на ладонях и пальцах. Он только глянул, махнул рукой. Через несколько минут подошёл с раскалённой дужкой от ведра и по очереди приложил её ко всем мозолям, которые пшикнули и стали сухими мозолями, как у старого лодочника. Но на пятый день пути, когда

партия уже дошла до базы на устье речки Соболинки, я попросил замены и потом три дня лечил руки.

Во второй половине двадцатого века геология в СССР стала самой романтичной специальностью. Началось освоение «медвежьих» районов страны. Одним из таких районов был горный юг Красноярского края — верховья рек Казыр, Кизир, Амыл и Абакан. По долинам и по воде, с вьючными конными караванами, с рюкзаками, на машинах и лодках геологи проникали в самую глухомань горной тайги. По долине Казыра для геологов в 1950 году на устьях рек Соболинки, Верхнего Китата и Прорвы были построены базы. Длина всего пути между базами составила около ста семидесяти километров.

На пятый день пути мы дошли до устья Соболинки, осилив около ста километров. На этой базе хранились продукты, завезённые четырьмя годами ранее. Тут мы пополнили свои запасы для дальнейшего пути. Добравшись до базы, уставший народ вылез из лодок и прилёг на траву отдохнуть. Все, кроме Михаила Ивановича. Он, едва спрыгнув на твёрдую землю, занялся отбором продуктов и приготовлением обеда. Отдохнули, перекусили — и снова в путь. К концу следующего дня добрались до второй базы — большого барака из толстых брёвен. В одиннадцати километрах впереди нас ждал порог Щёки. Чтобы его преодолеть, нам предстояло поднять весь груз по крутому склону метров на сто, перетащить всё это три километра по тропе и снова погрузить на лодки выше порога. Несколькими днями ранее так же мы одолели Базыбайский порог, но там был берег не выше пяти метров, да и вóлок метров пятьдесят, не больше.

Вспоминаю, пишу о людях, походах, о геологии, но в памяти возникает и другая картина: страна восстанавливалась после Отечественной войны. Газеты и иные средства массовой информации были наполнены рассказами о полярниках — покорителях Севера, альпинистах — восходителях на неприступные ранее горные вершины, о великих спортивных достижениях спортсменов. О геологах изредка звучали только легенды (про академиков) да песни Николая Добронравова про зелёное море тайги. На недели мы уходили в поход с рюкзаками для школьников, в ботинках с обмотками и с пятью самодельными патронами для одноствольной «тулки». Писать рассказы о геологах у писателей считалось дурным тоном. Несмотря ни на что, страна богатели открытыми уникальными месторождениями полезных ископаемых благодаря энтузиазму таких людей, как Л. А. Попугаева, Е. И. Врублевич, Ю. Н. Глазырин, и в не меньшей степени таких, как М. И. Калинин 1912 года рождения, и миллионов подобных ему тружеников, которых страна не знала и не знает до сих пор.

А мы шли. За десять дней дошли до базы на устье Прорвы. В марте сюда по снегу приходили

завхоз, радист и двое рабочих. Снаряжение и продукты были брошены с самолёта на всё лето. И закипела работа. Изготавливались кедровые лотки для промывки шлиха, берестяные теса под сливочное масло, лодки-долблёнки из осин. Опять удивил Михаил Иванович. Быстро подправив глинобитную русскую печь в жилом бараке, он начал кормить нас отличным белым хлебом и готовить обеды «как дома». Вечерами находил время для сооружения второй печи и вскоре начал заготавливать сухари для многодневных маршрутов: в пять утра замешивал квашню, топил одну печку, подошедшее тесто раскладывал по формам и заводил вторую квашню, зажигал вторую печь. Хлеб из первой печки резал на сухарики. Затем готовил завтрак. В основном благодаря его активности через неделю четыре группы исследователей отправились в десятидневные маршруты. Каждая группа набирала сухарей по большому брезентовому мешку.

Значимость Михаила Ивановича для успешного выполнения поставленных задач перед Казырской партией обнаружилась сразу, как только он ушёл на неделю в маршрут с начальником. Заготовленные завхозом за эти дни сухари оказались красивыми, тяжёлыми, но несъедобными — неразгрызаемыми и неразмокаемыми.

Во второй половине июля продолжительность маршрутов увеличилась до двух-трёх недель. Каждая группа, отправляясь в дальние углы нашей площади, брала по полтора мешка сухарей. Пекарня Иваныча работала на полную мощность. Однажды, уже в августе, он обрадовал нас, состряпав для каждого по сдобному бублику. Он выдал нам их как премию за то, что мы живыми вернулись на базу из маршрута на двадцать второй день. Сам сел с нами обедать. Разговор закрутился вокруг бубликов и вообще о кулинарии, и тут Михаил Иванович поведал нам о своём увлечении. Рассказал, что много лет работал поваром в зоне. Однажды в Магадан прибыла высокая комиссия. Иваныч приготовил для гостей обед (закуску). Уехало начальство с хорошими воспоминаниями о лагерях Колымы и даже никого не наказало. Когда закончился срок, он оказался не выездным на материк. Полную свободу получил только в мае и сразу поехал взглянуть на родные места. Но домой даже зайти не успел, сразу поехал с нами.

Это была наша последняя беседа. Вечером из «дальних странствий» пришёл Николай Иванович и выдал нашей группе новый маршрут. Утром мы уплыли вниз по Казыру.

Михаил Иванович Калинин 1924 года рождения

Заброску Казырской партии в составе тридцати человек в верховья реки Казыр Николай Иванович решил сделать по методу, отработанному

на Колыме. Примерно так, как описано в романе «Территория» геологом Куваевым. В район базы в устье речки Прорва решено было сбрасывать снаряжение и продукты с самолёта Ан-2. Для приёма груза туда должны прийти радист, завхоз и пара рабочих. В Кордово немедленно нашлись добровольцы: радист Михаил Калинин, кладовщик Попов, рабочие Миша Разумовский и Корнил Филиппов. Во второй половине февраля они выдвинулись в путь, то есть отправились в свой героический поход более чем за сто шестьдесят километров на камусных лыжах. Каждый тащил нарты, гружённые снаряжением, столовым и слесарным инструментом, продуктами на два месяца. Больше двух недель от них не было вестей. На связь Калинин впервые вышел после восьмого марта. Начальник партии Панарин, опытный управленец, прошедший суровую практику на Колыме в качестве вольнонаёмного, к этому времени весь груз уже упаковал в брезентовые мешки, по три мешка на каждое место. И началась «бомбардировка» базы. Панарин и лётчик сбрасывали мешки из Ан-2 вдоль реки, а наши «зимовщики» выкапывали их из двухметровых сугробов. Теперь все поняли, почему макароны с крупами паковались в три мешка: первый и второй мешок при ударе о землю рвались, третий — никогда. Теперь, когда я слышу интервью губастых актрис с экрана телевизора с возгласами: «Ах! Какая трудная была роль! Как я устала!» — то сразу вспоминаю про этот поход.

До нашего прибытия зимовщики привели в порядок склад и барак, которые почти четыре года простояли в тайге. К тому времени, когда река освободилась ото льда, у них была готова лодка-долблёнка, на которой они собирались плыть на Соболинскую базу за продуктами, как и было предусмотрено ранее, но поездку пришлось отложить на несколько дней, так как Михаил Калинин подрался с медведем.

Ледоход прошёл, и косяки рыб дружно пошли в верховья реки на икромёт. Мужики решили, что перед поездкой на нижнюю базу было бы неплохо запастись рыбой. Когда они приплыли на место рыбалки, то обнаружили на берегу тушу марала, погибшего зимой во льду. Планы Михаила сразу поменялись, и он предложил соорудить скрадок на ближайшем разлапистом кедре. Они оттащили тушу подальше от берега и вернулись на базу за инструментами. На другое утро охотники втроём вернулись, поднялись на высокий берег и увидели медведя. Тот уже теребил марала, завтракал. Они подняли шум, крик. Хотели зверя прогнать, но тот, рывкнув, бросился в их сторону. Калинин на базе прихватил старенькое ружьё, поэтому быстро взял на мушку зверя, но стрелять не спешил. Товарищи стояли рядом с топорами и нервно подсказывали: «Миша, стреляй!» Но Миша ждал, когда зверь подбежит поближе. Он нажал на спуск, когда

до медведя осталось несколько метров, но старое ружьё дало осечку. Тогда он схватил ружьё, как палку, двумя руками за ствол и приклад, ударил ей зверя по зубам и упёрся спиной в дерево. Медведь несколько раз укусил ствол ружья, заодно прокусил и руки Михаила, потом ударил его лапой по боку и убежал. Михаил переломил, перезарядил ружьишко, попытался выстрелить, но оно снова дало осечку. Медведь скрылся в лесу. Другие парни стояли рядом, орали, махали руками, забыв про топоры в руках, но хотя бы напугали зверя. С момента нападения медведя до его бегства не прошло и минуты. Народ облегчённо вздохнул, а потом глянул на руки победителя и ахнул. Обе ладони были порваны сквозными ранами, из одной клочками торчало мясо. Крови почти не было, и все пальцы оказались целыми и подвижными. Охотники, оправившись от потрясения, быстро собрали инструмент, помогли Михаилу сесть в лодку и через полчаса были на базе. Раненому сразу все раны залили салом ранее убитого медведя, и через час по расписанию вышли на связь с экспедицией. Два дня все с тревогой следили: как там раны у Миши? На третий день трое сели в лодку и уплыли на Соболинку за продуктами. Михаил остался на пять дней один и всё это время держал связь: ногами крутил педали иван-мотора, а рукой выстукивал точки и тире. Почти как в цирке. На другом конце радисты заметили, что у Калинина «почерк» изменился, но не поняли, что он управляется с таким трудным аппаратом один. Когда мы прибыли в Прорву, с момента драки с медведем прошло двенадцать дней, а неутомимый Михаил уже делал себе лодку-долблёнку, работая топором и пилой. Когда я глянул на его ладони, мне показалось, что все его раны едва заросли, как говорят — на живую нитку, но его это ничуть не беспокоило.

Наша с Михаилом дружба завязалась годом раньше в Буйбинской партии на геологической съёмке, в многодневных маршрутах и бродяжничестве по тайге в свободное время. О себе он почти ничего не рассказывал, семью и родителей не упоминал, как будто их у него никогда не было. В таёжном селе Джотка он рос как Маугли, только более грамотный. Охотился на белок, соболей, шишкарил, рыбачил. Окончил семь классов и увлёкся радио, а точнее — модной в те времена в тех местах азбукой Морзе.

В семнадцать лет он уже служил в армии на Кавказе радистом при штабе. После войны до конца сорок седьмого года состоял в войсках, занимавшихся ликвидацией банд; как выразился сам Михаил, «гоняли по Кавказу абреков». По пути на родину задержался в Кордово, поступил на работу радистом в крупную геологическую экспедицию, около трёх лет работал в конторе, стал узнаваем в среде радистов края как хороший специалист, но в пятьдесят втором году всё бросил

и поехал в полевую Буйбинскую партию маршрутным рабочим. Тайга его сманила всё-таки с насиженного места.

В первый день полевого сезона, пока начальство было занято арендой лошадей и другими хозяйственными вопросами, Михаил решил рвануть в тайгу. Я с удовольствием составил ему компанию, и мы отправились за тридцать километров на скалы, которые видели из села Ермаковского. Сегодня эти скалы называются Ергакими. Куда идём, где сворачиваем — левее или правее, знал Миша. Я, выросший в городе и шесть лет отслуживший в ровных, как стол, степях Забайкалья, был «ведомым». При переходе одного из ручьёв, притоков реки Буйбы, он разделся, сунул ноги в сапоги и перешёл на другой берег. Я сделал так же, постаравшись и глазом не моргнуть, будто всю жизнь только тем и занимался, что преодолевал реки чуть ни по пояс в ледяной воде. Часа за четыре мы пришли к скалам, на некоторые поднялись, посмотрели с высоты на село Ермаковское и занялись поисками места для отдыха. Еда висела на каждом кедре: они были просто облеплены шишками. Михаил сразу объяснил: урожай шишек бывает через четыре года. В прошлом году осень была мокрая, а потом ударил мороз. Вся шишка примёрзла, а потом присохла к веткам. С его точки зрения, этой еды нам было вполне достаточно. Он быстро поднялся на макушку кедра. Сверху крупным градом посыпались спелые сухие шишки. Подом обнаружили нишу в гранитной скале. Миша развёл костёрчик, я перенёс туда шишки и приволок сухое деревце для костра, но Миша его отбросил: «Ёлка. Искрами бросаться будет. Пошли лапок наломаем под бока!»

Пока я наломал одну охапку, он заготовил две. И так всегда: я очистил шишку, он — две, а то и три. Пообедали орехами и сделали заготовку дров на ночь. Миша раздобыл старый кедровый пенёк, я натаскали гору другого сушняка помельче. Стенело, мы сели ужинать орехами, разговорились. Михаил поделился своей старой мечтой: победить медведя старинным русским приёмом с ножом в руке. Для этого ему нужны большой медведь, шапка и острый нож. Идея проста до безобразия: медведь бежит на него, Миша перед ним подбрасывает высоко в воздух шапку. Медведь пытается поймать непонятный предмет и встаёт на дыбы. В этот миг надо под него нырнуть, вспороть ему брюхо и отскочить в сторону. Медведь от боли станет рвать свои внутренности, пока не сохнет. Злость на медведей у Миши была из-за того, что косяластые уничтожали беззащитных копытных зверей и маленьких забавных бурундуков.

От костра веяло теплом, от пихтовых лапок шёл аромат тайги! Рано утром мы пошли обратно на базу. Вскоре при организации Казырской геологической партии в качестве радиста был приглашён Михаил Иванович Калинин 1924 года рождения.